

### ### Глава 9. Лабиринт древесных демонов (часть 9)

Неизвестно почему, но Гу Яню совсем не хотелось, чтобы кто-то ещё видел Гу Сичэня в одной лишь белой майке.

Поэтому, обнажив кинжал, он в конечном итоге не тронул куртку напарника, а решил пустить на лоскуты подол собственного платья. Наряд был длинным — когда юноша стоял, ткань едва не касалась щиколоток, а из-за многочисленных слоёв юбка казалась тяжеловесной. Если бы декоративной каймы снизу не хватило, он мог бы продолжить «разборку» и выше.

Гу Янь никогда не занимался столь тонкой работой, поэтому некогда изящный подол превратился в нечто рваное и бесформенное, хотя в этой небрежности была своя дикая, болезненная эстетика.

Он протянул лоскуты Гу Сичэню. Тот молча принял их и с помощью веток соорудил шины для сломанных руки и ноги Кэсс. Что же касается сочащихся кровью ран, то на данном этапе оставалось лишь прибегнуть к экстренной дезинфекции с помощью зажигалки.

Кэсс — неизвестно, кем она была в обычном мире — оказалась на редкость выносливой. На протяжении всей процедуры она лишь до боли кусала собственные пальцы, не издав ни единого стога.

Когда с ранами было покончено, стало ясно: Кэсс в таком состоянии сама идти не сможет. Гу Сичэнь взял на себя тяжёлую ношу и взвалил женщину на спину.

Гу Янь шёл рядом налегке, но в душе у него почему-то скребли кошки.

Перед тем как поднять Кэсс, Гу Сичэнь снова надел свою чёрную куртку. Теперь спасённая прижималась к нему через слой плотной ткани и, едва не касаясь губами его уха, шептала:

— Спасибо, что спас меня. Отныне моя жизнь принадлежит тебе. Если пожелаешь, я стану твоей рабой.

— Не нужно, — отрезал Гу Сичэнь. — Сначала выберемся отсюда живыми.

— Хорошо. Когда выберемся, я найду тебя. Я обязательно отплачу за добро.

Гу Янь невольно нахмурился, заметив, что тот нахмурился ещё сильнее.

— Прошу прощения, но женщины меня не интересуют, — последовал ледяной ответ.

— Тогда тебе нужны... деньги? — неуверенно спросила Кэсс. — Если так, то у меня есть пара домов и несколько машин в Неваде...

— Замолчи, — нетерпеливо оборвал её Гу Сичэнь. — Не забивай голову ерундой. Я помог тебе просто потому, что я всё ещё человек. И решение принимал не я один, так что не строй из себя жертву, которой мы помогли ради выгоды. Спасать раненых — дело естественное... Хм, в вашей Америке, небось, таких слов и не знают. А если и знают, то только языком чесать горазды.

Кэсс прикусила язык.

Гу Янь втайне порадовался. Не ожидал он, что в этом чужом мире его накроет волной национальной гордости. Конечно, не все западники горазды лишь на красивые речи, но Кэсс явно не понимала мотивов Гу Сичэня, считая, что тот обязательно преследует корыстные цели.

Большинство людей Запада — а точнее, капиталистов — привыкли ставить собственные интересы превыше всего. Ради выгоды они готовы пожертвовать чем угодно, даже чужой жизнью. А если наживы нет, то и человек для них — пустой звук.

Гу Янь задумался о себе. Если бы он действовал в одиночку, то, скорее всего, обнаружив, что Кэсс не может идти, просто бросил бы её на произвол судьбы. Конечно, он бы не стал «добивать» её, чтобы избавить от мук — не из благородства, а просто потому, что не хотел пачкать руки.

— Кэсс, тебе стоит радоваться, что ты легко отделалась, — в голосе Гу Яня послышались злорадные нотки. — Брат Сичэнь решает, спасать человека или нет, исходя из тяжести ран. Если ранение не смертельно, он вытащит бедолагу, какой бы обузой тот ни стал. Но если травмы безнадежны, он не только не поможет, но ещё и пулю в лоб пустит, чтобы не мучился.

Кэсс: «...»

— Эй, — Гу Сичэнь нахмурился. Было заметно, что он не в восторге от того, что Гу Янь выставил его методы на всеобщее обозрение. Впрочем, он тут же парировал вопросом: — А у тебя какой критерий?

— По настроению, — уклончиво бросил Гу Янь.

И это не было пустой отговоркой — у него и впрямь не существовало четких правил. Окажись он здесь в первый день, наверное, бросился бы спасать каждого встречного — сработал бы инстинкт, жалость сильного к слабому. Но теперь ему никого не хотелось вытаскивать. Лишние люди казались лишь балластом.

Он никогда не стремился к святости. Он даже человеком-то не был.

Впрочем, было одно исключение.

Гу Янь понимал: если бы тяжело ранили Гу Сичэня, он бы сделал всё, чтобы его спасти. И дело не только в том, сколько раз Сичэнь выручал его самого. Всего два дня совместного пути породили в Гу Яне странное доверие к этому человеку.

Вероятно, это и называлось «признанием соратника».

«Если это будет он...»

Гу Янь сжал правую руку в кармане, потирая кончиками пальцев зудящую ладонь. Он глубоко задумался.

Троица прошла по лабиринту приличное расстояние, так и не обнаружив тела Ивана, зато наткнулась на очередного древесного демона.

Заметив монстра, Гу Сичэнь первым делом почти бесцеремонно сгрузил Кэсс на землю. Однако не успел он даже вскинуть пистолет, как Гу Янь, сжимая кинжал, уже метнулся к чудовищу. Один точный удар в главный ствол — и тварь рухнула замертво.

Гу Сичэнь застыл на месте, ошарашенно глядя на юношу, а затем, кажется, облегчённо выдохнул.

После этого, встречая новых демонов, он скидывал Кэсс уже не так поспешно и грубо.

Кэсс, которую в этот раз швыряли в грязь, а потом подбирали: «...»

Шёл второй день их пребывания в этом мире. Гу Янь и Гу Сичэнь уничтожили множество «главных стволов древесных демонов», но так и не нашли тот самый, о котором говорилось в задании.

Когда начало смеркаться, оба окончательно утратили энтузиазм и, найдя свободный пяточок земли, устроились на отдых.

— Вы собираетесь спать? — спросила Кэсс, успевшая всласть выпасться на спине Сичэня. — Если ляжете, я могу покараулить. Если что-то услышу — сразу разбужу.

— Не нужно, я сам подежурю, — Гу Сичэнь прислонился спиной к стене. Выглядел он куда хуже, чем вчера — за день он заметно осунулся и побледнел.

Люди — существа хрупкие, но при этом пугающе живучие. Кэсс получила тяжелейшие

ранения, но всё ещё держалась. С другой стороны, всего два дня без еды и воды в сочетании с постоянным стрессом измотали Гу Сичэня почти до предела.

По сравнению с ними Гу Янь выглядел бодрячком. Если не считать подола платья, который теперь напоминал результат трапезы бродячих псов, он чувствовал себя так же, как и в момент входа в этот мир.

— Нет уж, ты ложись, — Гу Янь не мог больше смотреть на то, как Сичэнь изводит себя. Юноша понимал: если так пойдёт и дальше, напарник умрёт не от голода, а от истощения. — Спи спокойно, я покараю. Поверь мне, если случится что-то, с чем я не смогу справиться, я немедленно тебя разбужу.

Гу Сичэнь молча вглядывался в лицо Гу Яня, словно взвешивая его слова. Он колебался долго, очень долго. И когда Гу Янь уже решил, что получит отказ, тот неожиданно кивнул:

— Хорошо... Тогда полагаюсь на тебя.

Гу Янь удивился. Он не ожидал, что Гу Сичэнь действительно согласится. Можно ли считать это высшим проявлением доверия?

— Оружием пользоваться умеешь? — спросил Сичэнь напоследок.

— Нет...

— Оно и видно, — Сичэнь расслабленно закрыл глаза. — Умел бы — забрал бы пистолет ещё тогда.

«Тогда?»

Гу Янь моргнул и лишь спустя мгновение понял, о чём речь. Тот имел в виду момент, когда юноша вырубил его ударом ребра ладони. Оказывается, он тогда действительно проверял кобуру, просто покрутил оружие в руках и вложил обратно.

Выходит, Гу Сичэнь полностью сохранил память о событиях перед обмороком. Он отчётливо помнил, что пистолет был у него в руке, а не в кобуре.

Гу Янь невольно задался вопросом: умеет ли он стрелять, изъят ли он оружие? Ответ был очевиден: конечно. Это же не игра. Зачем лезть в ближний бой, если можно разобраться с врагом на дистанции?

Но он не владел ни магией, ни огнестрелом. Его судьбой был клинковый бой. Хотя... были и другие способы.

Гу Янь посмотрел на свою правую ладонь. С самого начала в этом мире его не покидало странное ощущение — словно связь оборвалась. В буквальном смысле.

«Может... попробовать, когда они уснут?»

— Вы ведь не брат с сестрой, верно? — внезапно подала голос Кэсс.

Гу Янь, стоявший в этот момент, сверху вниз посмотрел на женщину, сидевшую рядом с Гу Сичэнем.

— А это важно? — бесстрастно уронил он.

Кэсс невесело усмехнулась:

— Похоже, теперь, когда я для тебя не опасна, ты даже не пытаешься притвориться... Мне всё равно не спится. Расскажи, что с вами случилось до того, как вы нашли нас? Как ты уложил того... противника?

— Сделал всё, чтобы он расслабился, а потом нанёс один точный удар. Вот и всё, — последовал предельно краткий ответ. — Он действительно сгорел, тут я не врал.

Вот только сгорел он уже после того, как его сердце было отравлено серебром. Будь это обычный огонь, всё прошло бы не так гладко. Для тёмных созданий ожоги — дело поправимое, а вот некроз от серебра остановить невозможно. Разве что вырезать поражённый участок.

Но если внешнюю рану ещё можно срезать, то с сердцем такой фокус не пройдёт. На самом деле, в тот момент, когда Гу Янь пронзил сердце вампира серебряным кинжалом, участь кровопийцы была предрешена. Огонь был лишь страховкой на всякий случай.

И, как выяснилось, решение было верным. Если бы он не сжёг тело, вампир, даже не воскреснув, стал бы инкубатором для древесного демона.

Спустя некоторое время Кэсс уснула.

Гу Сичэнь затих ещё во время разговора, и было неясно — действительно ли он спит или просто отдыхает, прислушиваясь к беседе. Но как бы там ни было, сгустилась ночная тьма. В этом беспросветном мраке они не смогли бы увидеть, чем занят Гу Янь, даже если бы бодрствовали.

Юноша оторвал лоскут от своей юбки и, прокусив кончик указательного пальца на правой руке, вывел кровью имя «Элли». Это имя казалось иностранным, записанным китайскими иероглифами, но именно так звали одну из его служанок. Ту самую, что приносила ему завтрак

вчера утром.

— Явись, Элли, — прошептал Гу Янь.

Но тряпица в его руках осталась неподвижной. Никакого отклика. Неужели не сработало? Этот мир действительно перерезал даже контракты души сквозь время и пространство.

— Эх... — Гу Янь смял лоскут и сел рядом с Гу Сичэнем, обхватив колени руками. В его вздохе слышалось отчаяние. — Я скучаю по тебе, Элли.

Он безумно соскучился по завтракам, которые она готовила. Как же хочется есть...

<http://bllate.org/book/17528/1693637>